

Мацкевич Игорь Михайлович

*доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятельно науки
Российской Федерации, почетный работник прокуратуры, ректор Универ-
ситета прокуратуры Российской Федерации*

Matskevich Igor Mikhailovich

*Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of the Prosecutor's Office, Rector of the University of the Pros-
ecutor's Office of the Russian Federation*

Эксперименты в криминологии: прошлое, настоящее, будущее

Experiments in Criminology: Past, Present, Future

Аннотация. Статья посвящена историческому опыту и современному состоянию в вопросах проведе-
ния социальных и криминологических экспериментов. Дается анализ самым знаменитым и самым скандаль-
ным экспериментам, которые провели социальные психологи С. Милгрэм и Ф. Зимбардо. Делается вывод, что
сегодня проведение криминологических экспериментов возможно на основе моделирования. Моделирование
сегодня – это воспроизведение объекта исследования и управления им. Следовательно, социальные экспе-
рименты над людьми не допустимы. Криминологические эксперименты возможны и даже необходимы, резуль-
тативность экспериментов может быть просчитана. Большие цифровые данные и случайные общественные
(социальные) связи необходимо научиться соединять, оценивать и делать выводы. По результатам экспери-
ментов должны быть эксперты – ученые в конкретной области знаний, в первую очередь.

Ключевые слова: эксперимент, эксперт, модель, наука, криминология, социология, психиатрия, психо-
логия, преступление, правонарушение.

Annotation. The article is devoted to the historical experience and current state in the issues of conducting
social and criminological experiments. The analysis of the most famous and most scandalous experiments conducted
by social psychologists S. Milgram and F. Zimbardo is given. It is concluded that today it is possible to conduct crimi-
nological experiments on the basis of modeling. Modeling today is the reproduction of the object of study and its man-
agement. Therefore, social experiments on people are not allowed; criminological experiments are possible and even
necessary; the effectiveness of experiments can be calculated; it is necessary to learn how to connect big digital data
and random public (social) connections; experts – scientists in a specific field of knowledge, first of all, should evaluate
and draw conclusions based on the results of experiments.

Key words: experiment, expert, model, science, criminology, sociology, psychiatry, psychology, crime, offense.

Для цитирования: Мацкевич И. М. Эксперименты в криминологии: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. – С. 501-508.

Прошлые криминологические эксперименты

Криминология возникла и развивалась прежде всего как наука, гипотезы которой разрабатыва-
лись, а потом доказывались и опровергались путем различных экспериментов. Достаточно вспомнить
исследования Чезаре Ломброзо, который изучил тысячи черепов умерших преступников и вполне зако-
нопослушных граждан, провел непосредственное наблюдение за бытом живых преступников, отбывав-
ших наказания в тюрьмах, в том числе за осужденными за наиболее тяжкие преступления (убийства),
после чего представил на суд ученых и общественности свою теорию о прирожденном преступнике.
В конце XIX века теория Ломброзо произвела настоящий фурор сначала в Европе, а потом во всем мире
и смею утверждать, что благодаря настолько же смелым, насколько спорным мыслям Ломброзо крими-
нология перестала быть областью научных представлений и стала полноценной наукой.

«Случайные преступники проявляют свойства врожденных преступников, правда в смягченной, но, однако, вполне явственной форме», – говорил Ломброзо.¹

Наверное вполне закономерно, что последователи и ученики Ломброзо, среди которых разумеется в первую очередь следует назвать Энрико Ферри и Рафаэля Гарофало стали развивать учение о преступнике, в результате чего получила название новая область научного знания – криминология.² Кстати, так сложилось, что в отличие от Ломброзо, который был психиатром, оба названных его последователя были юристами. Наверное в том числе поэтому криминология в дальнейшем стала прерогативой ученых юристов, хотя, конечно, с известными, но закономерными исключениями.

«Эти типы, согласно моей классификации, признанной и подтвержденной почти всеми антропологами криминалистами, суть следующие: прирожденный преступник, преступник сумасшедший, преступник по приобретенной привычке, преступник в порыве страсти и преступник случайный», – говорил Ферри о преступниках.³

«Если возможно, измените лучше условия общества, а не систему наказания, и преступность общества изменится», – говорил еще один последователь Ломброзо Габриэль де Тард.⁴

Не менее интересны и увы по достоинству до сих пор не оценены (ждут своего часа и своего дерзкого молодого ученого) результаты экспериментов криминологических кабинетов, сеть которых спонтанно покрыла молодую советскую республику, а затем и молодой Советский Союз в 1920-е годы, когда исследования проводились на основании междисциплинарных (как сейчас сказали бы) подходов при совместном изучении преступности и преступников того времени представителями медицинских наук (прежде всего психиатрами), ученых-юристов (криминологами), юристов-практиков (сыщиков), экономистов, социологов, обладателей навыков работы со статистической информацией (статистиков). В дальнейшем к сожалению во многом из-за идеологических приоритетов криминология в СССР все больше становилась наукой исключительно теоретической. Между тем, выводы, к которым приходили ученые того времени, представляют интерес и сегодня. Например, психиатр и один из руководителей Московского криминологического кабинета Евгений Константинович Краснушкин был экспертом-психиатром московских мест заключения. В 1921 году при его непосредственном участии был создан Институт судебно-психиатрической экспертизы. Е. К. Краснушкин считается одним из основоположников советской судебной психиатрии, сформировавший ее в самостоятельную дисциплину, отражающую передовые идеи советской психиатрии.⁵ Полагаю, что в значительной степени сформировать его научные подходы ему помогли его исследования личности преступников и проведение с ними соответствующих практических экспериментов в то время, когда активно работал в Московском криминологическом кабинете.

Не менее интересны результаты Московского криминологического кабинета, представленные в виде очерков в сборнике под редакцией еще одного руководителя указанного выше кабинета, на этот раз юриста и криминолога Михаила Николаевича Гернета, который называется «Преступный мир Москвы»,⁶ изданный тиражом не много не мало 5 тыс. экземпляров. Примечательно, что сборник был подготовлен в том числе силами студентов юридического факультета Московского университета, которых для сбора эмпирического материала привлекал М. Н. Гернет и которые непосредственно опрашивали как преступников, так и сотрудников Московского уголовного розыска. Хотя вывод, о котором я сейчас скажу никак не был зафиксирован в сборнике, но он с очевидностью вытекает из всего в нем изложенного. Этот вывод заключается в том, что на тяжкую преступность 1920-х годов в Москве большое негативное влияние оказали последствия прошедших через Россию войн: Первой мировой и Гражданской. При этом речь в первую очередь идет конечно о социальных негативных последствиях, но также и надломе в психическом и психологическом состоянии личности людей. Все преступники, о которых говорится в сборнике прошли либо через две, либо через одну из войн и не смогли найти себе место в мирной жизни. Они привыкли убивать. Более того, многие из них научились этому до того, как научились чему бы то ни было, ничего не умея делать до того, как попали на войну. Характерна в этом отношении личность наверное самого первого советского серийного убийцы Комарова-Петрова, на счету которого вместе с женой около 40 жертв. Он пережил Первую Мировую войну, добровольцем вступил в Красную Армию, дослужился до взводного командира, участвовал по его собственным воспоминаниям в расстрелах белогвардейцев. Примечательно, что Комаров-Петров не испытывал никаких эмоций в отношении тех, кого он убивал. Действовал не столько хладнокровно, сколько монотонно. «На суде и при обследовании в Мууре Петров-Еомаров обнаружил полное равнодушие к содеянному: спокойно описывая все детали

¹ Ломброзо Ч. Человек преступный. М., 2015. С. 179.

² Garofalo R. Criminologia: studio sul delitto, sulle sue cause e sui mezzi di repressione. – Torino: Fratelli Bocca, 1885.

³ Ферри Э. Преступные типы в искусстве и литературе. СПб., 1908. С. 17.

⁴ Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2014. С. 246.

⁵ Паренькова О. Р., Лобанов А. Ю. Выдающийся советский психиатр профессор Е. К. Краснушкин//Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. С. Семашко. 2015. № 3. С. 145.

⁶ Преступный мир Москвы. Под ред. М. Н. Гернета. Изд-во Право и жизнь. По соглашению с Кабинетом по изучению личности преступника и преступности. М., 1924.

преступления, он заявил, что если бы ему еще 60 человек привалило, он бы и их убил. . »¹ Позднее то, о чем говорили авторы сборника «Преступный мир Москвы» психологи и социологи (вместе с криминологами) назовут посттравматический синдром или посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – англ. post-traumatic stress disorder (PTSD) -, так этот вид психического расстройства стал официально именоваться в медицинских документах после 1980 года. До того, как в 1980 году посттравматическое стрессовое расстройство получило официальный диагноз и было классифицировано в третьем издании «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам»,² это заболевание было известно как «солдатское раздражительное сердце». При этом термин «военный невроз» появился еще во время Первой мировой войны.

В дальнейшем эксперименты в криминологии продолжали активно использоваться и, как и раньше, занимались ими обычно не юристы. Например, Эдвин Сатерленд свои выводы о «беловоротничковой» преступности сделал на основании умозрительных заключений, построенных на теоретических экспериментах, основанных в свою очередь на сборе большого массива статистической информации, причем касающейся не преступности, а экономических и социально-демографических данных.³

Примерно тоже самое можно сказать об экспериментах Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга, которые в то же время предлагали свои обобщения, исходя из собственной врачебной практики. Так что в определенной мере можно сказать, что это были эксперименты небольшого объема с большими обобщениями и распространениями этих обобщений на личность человека и личность преступника в том числе. Нельзя, например, не признать, что выводы Фрейда о воздействии бессознательного на поведение человека очень сильно помогают криминологам разобраться в механизме преступного поведения, как и выводы Юнга о наследственности приобретенных социальных факторах и коллективном бессознательном.

«Надо, по моему, считаться с тем фактом, что, у всех людей имеют место деструктивные, т. е. антиобщественные и антикультурные тенденции и что у большого числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе», – говорил Фрейд.⁴

«Мой тезис...таков: помимо нашего непосредственного сознания, которое имеет полностью личностную природу и которое... является единственной эмпирической данной психики..., существует вторая психическая система, имеющая коллективную, универсальную и безличную природу, идентичную у всех индивидов. Это коллективное бессознательное не развивается индивидуально, но наследуется», – говорил Юнг.⁵

Самые знаменитые и самые скандальные эксперименты американских психологов и психиатров

Эксперименты Макдональда. В 1963 году будущий доктор медицины Джон Маршалл Макдональд, работавший в университете Отаго, опубликовал статью под названием «Угроза убийством»,⁶ в которой обосновал три фактора (впоследствии их назвали «триада Джона Макдональда»), указывающие на будущего убийцу. Макдональд изучил около 100 пациентов, которые угрожали кого-либо убить, причем нередко это были вполне конкретные угрозы об убийстве определенного человека, кстати, двое из обследованных позднее действительно совершили убийства. 48 из 100 пациентов имели психопатологические отклонения в детстве: 1) регулярно мучили животных и тем самым проявляли открытые садистские наклонности; 2) устраивали поджоги; 3) мочились в постель после пяти лет. Незначительная часть из обследованных пациентов имели все три указанных отклонений одновременно.

Садизм по отношению к животным в детстве считается наиболее подтвержденной из «триады Макдональда» характеристикой, действительно часто встречающейся у серийных убийц. Жестокость к животным и их убийство являются, как полагают ученые, способом дать выход отчаянию и злобе. Будущие серийные убийцы не в состоянии отомстить тем, кто их когда-то унизил, поэтому они расправляются с беззащитными животными. Причем последующее исследование подтвердило, что способы совершения убийств серийными убийцами являются теми же самыми, при помощи которых они расправлялись с животными.

Совершение поджогов является менее опасным способом выхода отчаянию и злобе подвергшихся в детстве насилию, чем мучение животных, но причины те же – ответ на унижение.

Что касается энуреза (греч. ἐνourέω – мочиться), то более поздние исследования ученых, занимавшихся перепроверкой выводов Макдональда не выявили прямой связи между ночным недержанием

¹ Преступный мир Москвы: сборник статей/Под ред. М. Н. Гернета. Ржев, 1924. С. 55

² В окончательном варианте, опубликованном в 1980 году, DSM-III содержал 265 диагностических категорий и занимал 494 страницы. Он быстро получил широкое распространение в мире и был назван революцией или преобразованием в психиатрии.

³ Sutherland E. Is «White Collar Crime» Crime? // American Sociological Review. – 1945. – Issue 10. – P.132–139.

⁴ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С. 20.

⁵ Юнг К. Г. Аналитическая психология. М., 1997. С. 72.

⁶ Macdonald J. M. The treat to kill//American Journal of Psychiatry.1963. No.120. P.125–130.

мочи и совершением серийных убийств. В то же время очевидно, что дети, страдающие энурезом, подвергаются нападкам и унижению. Так что заболевание, в особенности сопровождаемое неадекватной реакцией со стороны родителей, способно вызвать у человека психологическую травму, память о которой может привести его в будущем к желанию отомстить за причиненные обиды. Энурезом страдал серийный убийца Чикатило, за что с его слов подвергался избиениям со стороны матери.

В 1966 году психиатры Дэниел Хеллман и Натан Блэкман обследовали находящихся в тюрьмах серийных убийц и заявили, что их результаты совпали с «триадой Джона Макдональда». Впрочем, другие ученые до сих пор с большим скепсисом относятся к выводам Макдональда, заслугой которого является не сама «триада», а научный доказательный подход к объяснению механизма формирования в частности личности серийного убийцы. Кстати, до сих пор никто не определил есть ли и в чем выражается принципиальная разница между маньяком и серийным убийцей. В самом первом приближении маньяк (греч. *μανιακός* – человек, одержимый манией) – это тот, кто страдает серьезными психическими отклонениями и скорее всего человек не нормальный. В то же время серийный убийца – это тот, кто был подвержен каким-либо (как правило насильственным либо физическими, либо психологическими, либо и тем и другим одновременно) воздействиям в детстве, которые также отразились на его психическом здоровье. Грань, что называется весьма условная. В работах о серийных убийцах, с которыми мне удалось познакомиться (авторы, как отечественные, так и зарубежные ученые) прослеживается одна общая для них характеристика – в момент совершения убийства преступник испытывает необычайный экстаз (греч. *ἔκστασις* – иступление, восторг), который он в повседневной жизни испытать не в состоянии. И это чувство, как я полагаю, является наиболее острой формой психического отклонения такого человека. Если говорить более конкретно, то серийный убийца не может не совершать убийства. Отвратить такого человека от убийства невозможно, его можно только насильственно изолировать от общества.

Однако все эти эксперименты не идут ни в какое сравнение с экспериментами, которые провели американские социальные психологи Стэнли Милгрэм и Филиппе Зимбардо. Оба между прочим учились в одной школе в Южном Бронксе в Нью-Йорке, хотя школьными друзьями не стали.

Эксперименты Милгрэма. Первым прославился Милгрэм. В 1963 году он провел эксперимент о подчинении власти. В эксперименте участвовали экспериментатор, испытуемый и актер, игравший роль другого испытуемого. Один участник («ученик») должен был заучивать пары слов из длинного списка, пока не запомнит каждую пару, а другой участник («учитель») обязан был проверять память «ученика» и наказывать за каждую ошибку электрическим разрядом. Все было подстроено так, чтобы «испытуемому» всегда доставалась роль учителя. После этого «ученика» (актера) демонстративно привязывали к креслу с электродами. Экспериментатор (Милгрэм) объяснял «учителю», что при нажатии на каждый из переключателей через тело ученика проходит электрический ток соответствующего напряжения. При этом, что важно, переключатели электрического тока были подписаны поясняющими надписями: а) «слабый удар» (*Slight Shock*); б) «умеренный удар» (*Moderate Shock*); в) «сильный удар» (*Strong Shock*); г) «очень сильный удар» (*Very Strong Shock*); д) «интенсивный удар» (*Intense Shock*); е) «крайне интенсивный удар» (*Extreme Intensity Shock*); ж) «опасно: труднопереносимый удар» (*Danger: Severe Shock*).

Последние два переключателя были обособлены и «учителю» предлагалось использовать их в крайних случаях.

В ходе эксперимента «учитель» зачитывал первое слово из пары и четыре варианта ответа. «Ученик» должен был выбрать правильный вариант. В случае ошибки «учитель» сообщал, что ответ неверен, сообщал, удар каким напряжением получит «ученик», нажимал на кнопку, как он полагал наказывал «ученика» ударом тока, после чего сообщал правильный ответ. Начав с 15 В, «учитель» с каждой новой ошибкой должен был увеличивать напряжение с шагом в 15 В вплоть до 450 В.

Ответы были стандартными и подбирались таким образом, чтобы в среднем на каждый верный ответ приходилось три ошибочных. Актер, игравший роль «ученика», делал вид, что получает удары током. После трехкратного использования последнего переключателя в 450 В эксперимент прекращался.

Эксперимент состоял из серии однотипных опытов, и каждый раз результаты были похожими. Обычно 65% «учителей» вместо того, чтобы сжалиться над «учениками» продолжали увеличивать напряжение до тех пор, пока экспериментатор (Милгрэм) не отдавал распоряжение закончить опыт.

Примечательно, что Милгрэм задумался о проведении эксперимента, находясь под влиянием массового участия немцев во время Второй Мировой войны в карательных операциях по уничтожении мирного населения.¹

В 1992 году вышла книга профессора истории университета Северной Каролины Кристофера Браунинга «Обыкновенные люди»², в которой были приведены откровения германских солдат, попавших на Восточный фронт в Польшу в 1942 году. В течение очень короткого промежутка времени из обычных добропорядочных людей, не склонных в обыденной жизни к насилию, они превратились в самых настоящих убийц, на совести которых почти 40 тыс. евреев, которых они расстреляли и еще 45 тыс. человек,

¹ Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль. М., 2016. 255 С.

² Browning C. Ordinary Men – Revised Edition: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. HarperCollins, 2017. – 352 с.

которых они насильно загоняли в газовые камеры. Можно было бы говорить о войне, на которой притупляются или вовсе не действуют человеческие нормы морали, но ужас ситуации заключался в том, что убийства не входили в их служебную обязанность. Даже больше того, якобы командир отговаривал своих подчиненных от участия в расстрелах безоружных людей, но только 10% от списочного состава солдат согласились с ним и не стали заниматься расстрелами.

Милгрэм провел еще несколько социальных экспериментов, из которых можно остановиться на двух.

Первый вошел в историю под названием «эксперимент с потерянным письмом». Суть эксперимента заключалась в том, что Милгрэм оставлял в общественных местах несколько запечатанных писем с марками, адресованных разным организациям, например в медицинские исследовательские институты, и противопоставлял им письма, которые якобы забыли отправить в такие организации, как, например, «Друзья нацистской партии». Милгрэм установил, что большинство писем, адресованных медицинским организациям или просто частным лицам были подобраны и отправлены адресатам, в то время как письма, адресованные в нацистские и им подобные организации не были отправлены.

Второй эксперимент назвали «антисоциальный эксперимент». Он был проведен в 1970–1971 годах, и путем его проведения Милгрэм хотел найти взаимосвязь между просмотром телевизионных программ и антисоциальным поведением. В ходе эксперимента после просмотра определенных телевизионных сериалов, например, популярного в то время сериала под названием «медицинский центр», участникам предлагалось пожертвовать деньги на благотворительность или не делать этого. Была установлена прямая зависимость участников эксперимента от поведения героев телевизионных сериалов, причем отрицательные примеры оказывали более сильное эмоциональное воздействие на их решения.

Эксперимент Зимбардо (Стэнфордский эксперимент). Наиболее из известных криминологических экспериментов провел Зимбардо, который, как я говорил выше, учился в одной школе с Милгрэмом, и которому, как мне представляется, не давали покоя лавры последнего. По странному стечению обстоятельств (если угодно судьбе) Зимбардо умер, пока я готовил настоящую статью. Поэтому позволю себе напомнить о его научном пути. Зимбардо родился 23 марта 1933 года в Нью-Йорке в семье сицилийского эмигранта. В 1954 году он получил степень бакалавра в области психологии в Бруклинском колледже Нью-Йорка. В 1955 году получил степень магистра по психологии в Йельском университете. Наконец, в 1958 году получил степень доктора философии по психологии. Его научным руководителем был Нил Эдгар Миллер, который в 1961 году был избран президентом Американской психологической ассоциации, а в 1965 году был назначен председателем сектора психологии Национальной академии наук США.

В 1960–1967 годы Зимбардо был профессором психологии Колледжа искусств и наук Нью-Йоркского университета, в 1967–1968 годы преподавал в Колумбийском университете. В 1968 году стал профессором психологии Стэнфордского университета. В Стэнфордском университете Ф. Зимбардо провел один из самых известных и самых скандальных экспериментов, но прежде чем напомнить о сути эксперимента, скажу несколько слов о самом университете.

Стэнфордский университет основан в 1885 году семьей Стэнфордов в память об их единственном ребенке Леланде Стэнфорде-младшем, который умер от брюшного тифа в возрасте 15 лет. Это частная образовательная организация, расположенная в штате Калифорния недалеко от города Паоло Альто. Считается одним из престижных университетов не только в США, но и мире. Именно при нем после окончания Второй мировой войны была создана так называемая «Кремниевая долина» – центр высоких технологий. Среди выпускников и профессоров Стэнфордского университета – 85 лауреатов Нобелевской премии в различных областях знаний.

Зимбардо провел свой эксперимент в 1971 году. Из 70 человек, вызвавшихся участвовать в эксперименте, отобрали 24, которых сочли наиболее здоровыми и психологически устойчивыми. В основном это были студенты, преимущественно белые американцы. Всех участников поделили на «заклученных» и «охранников», причем деление произошло случайно, хотя потом «осужденные» утверждали, что «охранников» специально отбирали по высокому росту и физической силе. «Тюрьмой» стала кафедра психологии, которой руководил Зимбардо, он же играл роль управляющего «тюрьмы».

«Охранникам» выдали дубинки, униформу и зеркальные очки из-за которых не было видно их глаз. «Заклученных» одели в халаты без нижнего белья и присвоили им номера, называть их по именам было запрещено. Зимбардо провел с «охранниками» предварительный инструктаж, на котором призвал их создать у «заклученных» чувство тоски, страха и ощущение произвола. Для усиления эффекта «заклученных» отправили по домам, а потом ночью к каждому из них ворвались настоящие полицейские и обвинили в вооруженном ограблении. Таким образом «заклученные» с самого начала ощутили на себе все, что связано с полицейским арестом: они прошли процедуру осмотра, включая снятие отпечатков пальцев, фотографирование и зачитывание прав. В «тюрьме» их заставили раздеться до гола и снова осмотрели. При этом с их телами провели настоящую дезинфекцию от вшей, в чем не было никакой необходимости, но что лишний раз создавало ощущение реальности происходящего.

Практически сразу эксперимент вышел из-под контроля. «Охранники» стали оскорблять и унижать «заклученных», а когда «заклученные» начали возмущаться, «охранники» расценили это как бунт и добровольно вышли на его подавление. Для усмирения «заклученных» «охранники» применяли к ним физические воздействия, заставляя выполнять тяжелые физические упражнения, не позволяя мыться и

не давая еды. Некоторых «заключенных» заставили мыть туалет голыми руками. Несмотря на очевидную опасность в том числе для физического и психологического здоровья «осужденных», Зимбардо не только не прекратил эксперимент, но на его четвертый день решил перенести его в настоящий неиспользуемый на тот момент тюремный корпус. Однако полицейские проявили больше мудрости, чем ученый и отказались предоставить Зимбардо пустующее помещение. Более того, полицейские отказались далее участвовать в любом виде в дальнейшем проведении эксперимента. В это время «охранники», полагая, что видеокамеры по номам не работают, стали по-настоящему бить «заключенных», и у одного из «заключенных» по всему телу пошла психосоматическая сыпь. Спутанное мышление и плач стали для «заключенных» обычным делом, но это не вызывало у «охранников» никакого сочувствия. Наконец двоих «заключенных» пришлось вывести из эксперимента. Но когда их заменили на других «заключенных», один из «новеньких» сразу возмутился поведением «охранников» и объявил голодовку. «Охранники», несколько этим не смутившись, заперли «новенького» в чулан и заставили держать в руках сосиски. Остальным «заключенным» по предложению Зимбардо «охранники» предложили отказаться от одеял на ночь, чтобы освободить голодающего «заключенного», – никто от одеял не отказался. Зимбардо вмешался в ситуацию, вывел нового «заключенного» из эксперимента, но сам эксперимент продолжался.

Неизвестно чем все закончилось, если бы в дело не вмешалась аспирантка Зимбардо Кристина Маслак, очень известный сегодня социальный психолог, автор цикла работ по «профессиональному выгоранию», которая в дальнейшем стала женой Зимбардо, а на момент эксперимента была его невестой. Она в ультимативной форме поставила перед Зимбардо вопрос о немедленном прекращении эксперимента, после того, как провела беседы с «охранниками» и «осужденными». Более того, она заявила Зимбардо о неэтичности самого эксперимента. Кстати, ровно такое же обвинение получил в свое время Милгрэм за проведение эксперимента «о подчинение власти», что на первом этапе послужило причиной не принятия его в ассоциацию психологов.

Эксперимент был запланирован на две недели, но был прекращен через шесть дней.¹ Зимбардо умер у себя дома 14 октября 2024 года.

Советские социальные эксперименты

Интересно, что социальные эксперименты, которые хотя и не назывались криминологическими, но по их содержанию несомненно имели прямое отношение к криминологии, проводились в СССР в 1950-х годах. Они широко не освещались ни в прессе, ни в научной литературе. Так, советские психологи решили посмотреть как будут себя вести школьники в условиях выбора между личной выгодой и интересами одноклассников. Школьников отбирали из разных регионов страны и привезли в Москву якобы для соревнования по стрельбе. Однако когда их привели в тир, то поставили перед непростым выбором, каждый из них должен был не просто выстрелить в мишень, но выбрать цель между двумя мишенями: если попадешь в первую – получишь награду для себя лично, если попадешь во вторую – приз достанется всему классу. Более того, каждому школьнику перед выстрелом говорили, что будто бы предыдущий стрелявший выбрал первую мишень. К чести детей надо сказать, что абсолютное большинство из них стреляли во вторую мишень, заботясь о своих товарищах.

В СССР проводились и другие социальные эксперименты, но поскольку все они были осуществлены от имени государства и под контролем государства (проводились государственными институтами), результаты их в лучшем случае были «ограниченного пользования», а чаще всего имели гриф «совершенно секретно». Увы, до сих пор большая часть таких экспериментов продолжают оставаться засекреченными.

Таким образом, эксперименты в США и СССР имели одно, но очень важное сходство, они были провокациями и вряд ли пошли на пользу их участникам. Думаю поэтому в дальнейшем больше таких экспериментов (во всяком случае таких масштабных и широко освещаемых в прессе и научной литературе) не проводилось.

Современные криминологические эксперименты

Что касается современных криминологических экспериментов, то все они строятся на теоретических моделях (предположениях), теория построения которых было хорошо отработана в 1970-е и более поздние годы.

Например, Сергей Ефимович Вицин говорил, что наиболее эффективный путь моделирования преступности заключается в использовании для описания, объяснения изменений и прогнозирования преступности так называемых матричных моделей преступности, позволяющих отыскивать и количественно выражать зависимости между группами, видами преступлений и характеристиками преступников. При этом выбор измерителей изучаемых объектов в социальных исследованиях имеет принципи-

¹ Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Альпина-нон-Фикшн. 2014. – 887 с.

ально важное значение, поскольку должна учитываться степень адекватности измерителей самой сущности измеряемых явлений.¹

Сейчас во времена глобальных перемен интерес к экспериментам снова возвращается. В настоящее время на мой взгляд с учетом цифровых технологий эксперименты в криминологии должны быть достаточно широко распространены. Этому в значительной степени способствуют возможности компьютерного моделирования, прогностических оценок по разному поводу (прогноз преступности, прогноз противоправного поведения в целом и по регионам, прогноз рецидива противоправного поведения и т. п.), использования и обработки огромного массива информации, в том числе с использованием нейросетей, что часто называют на мой скромный взгляд совершенно необоснованно искусственным интеллектом.

Поскольку и сегодня, и завтра на преступность и преступника будут влиять примерно одни те же факторы, казалось бы предсказать ее будущее состояние не так сложно. Более того, исходя из этого можно построить алгоритмы для математического определения будущих параметров преступности. (Такие попытки между прочим предпринимались неоднократно и как правило не приводили к скольконибудь адекватным результатам, – множество формул и отсутствие практической значимости).

Моделирование сегодня – это воспроизведение объекта исследования (предмета, процесса, ситуации) и управления им. На самом деле любой мало-мальски критически мыслящий человек, едва взглянув на первоначальные данные о преступности и преступнике, увидит в них много не стыкующихся, главная из которых заключается в том, что у этих данных слишком много переменных. Например, насколько можно сегодня предугадать какие технологии, как они (особенно учитывая технологические прорывы последних десятилетий) будут развиваться и главное какое влияние они окажут на преступность и преступника. Практически нельзя предсказать развитие политических событий в ближайшем будущем, тем более, что на внутренние политические события оказывают огромное влияние международные политические события. То же самое следует сказать применительно к праву, которое целиком и полностью зависит от политической конъюнктуры.

В небольшой, но очень содержательной брошюре Борис Викторович Андреев и Георгий Иванович Бушуев обоснованно полагают, что составление алгоритма – это достаточно сложный процесс, основанный прежде всего на личном опыте ученого.² Не сложно построить алгоритм, сложно выбрать его звенья таким образом, чтобы алгоритм помогал, а не мешал работе модели. Б. В. Андреев и Г. И. Бушуев выделяют следующие этапы разработки искусственного интеллекта: 1) имитация человеческого разума с помощью нейронных систем в конце 1950-х годов (perceptron³); 2) увлечение эвристическими алгоритмами в 1960-х годах; 3) создание системы GPS (Global Positioning System) как универсального решателя задач; 4) этап осознания невозможности построения универсальной модели; 5) этап создания экспертных систем (самоконтроль и проверка качества принятых решений).⁴

В свою очередь процесс моделирования предполагает прохождение следующих этапов: 1) проектирование и настройка модели (этап формализации); 2) постановка задач и путей их решения (этап моделирования); 3) осуществление моделирования (этап исполнения); 4) подведение итогов (этап интерпретации результатов моделирования).

Последний этап имеет решающее значение, поскольку для социальных и криминологических экспериментов: а) нет четких алгоритмических решений; б) эффективность узко предметных знаний у экспертов во много раз выше, чем общих знаний.⁵ Следовательно благодаря экспертам можно и нужно выдвигать в достаточной степени обоснованные предположения и находить перспективные подходы к решению поставленных задач. Без эксперта любой эксперимент теряет смысл и значение.

Современные научные достижения, связанные с механизмом формирования лиц, склонных к агрессивному поведению, впечатляют. Например, известны исследования в области человеческого мозга, указывающие на проблемные доли в частности у, скажем так, подвижных детей, проведенные профессором Индианского университета Натали Фонтейн и профессором Пенсильванского университета Эдрианом Рейном.

Наука и научные технологии о человеке развиваются очень интенсивно. Опто– и химическая генетика сегодня позволяют эффективно управлять поведением мышей и крыс, а нейробиология и геномика

¹ Вицин С. Е. Системный подход и преступность. М., 1980. С. 74.

² Андреев Б. В., Бушуев Г. И. Моделирование при решении уголовно-правовых и криминологических задач. М., 1997. С. 13-14.

³ Perceptron (от лат. perceptio – восприятие) – математическая или компьютерная модель восприятия информации мозгом или как ее по другому называли – кибернетическая модель мозга, которая была предложена в 1957 году Фрэнком Розенблаттом и впервые воплощена в виде электронной машины под названием «Марк-1» в 1960 году. Персептрон стал одной из первых моделей будущей нейросети. В свое время в СССР вышла работа Ф. Розенблатта «Принципы нейродинамики. Перцептроны и теория механического мозга». М.: Мир, 1965. – 480 с.

⁴ Андреев Б. В., Бушуев Г. И. Моделирование при решении уголовно-правовых и криминологических задач. М., 1997. С. 62.

⁵ Андреев Б. В., Бушуев Г. И. Моделирование при решении уголовно-правовых и криминологических задач. М., 1997. С. 63-64.

помогают выявлять агрессивные гены, находящиеся в так называемых нейронных сетях подкорковой структуры мозга животных. Профессор психологии университета Британской Колумбии Ребекка Тодд, используя прибор функциональной магнито-резонансной томографии, исследовала мозг людей с вариантами гена, отвечающего за синтез белкового рецептора адреналина. Согласно предварительным данным ученого нехватка гена приводит к чувству обостренного восприятия негативных картинок и сообщений, появляющихся в средствах массовой информации. Эти исследования проводятся не на человеке, но скорее всего будут интерпретированы на человека.

Как все это будет работать? Ответить на этот вопрос можно только путем моделирования. Любая модель создается для: а) получения неизвестных ранее данных; б) более менее научных предсказаний новых свойств изучаемых объектов; в) раскрытия вариантов будущего поведения людей; г) извлечения пользы при принятии и исполнении решений; в) оценки и систематизации известных данных.

В конце концов модель это некоторый шаблон, который мы используем для решения задачи прогноза в нашем случае будущего состояния преступности и будущего преступника. Модель как известно строится на основании ограниченного множества известных нам данных. Например, как из ограниченного множества данных может выглядеть модель современного случайного (а это большинство) преступника. При этом модель случайного преступника непосредственно связана со случайным (спонтанным) преступлением. Конечно в этом случае как сами элементы, так и взаимосвязь между случайным преступником и случайным преступлением будут весьма неустойчивы и в этом их главная особенность. Тем не менее попробую назвать такие элементы: 1) личность преступника (не случайного, а скажем так, типичного); 2) хаотичные потребности; 3) неустойчивая мотивация; 4) спонтанное поведение; 5) внешняя среда.

Разумеется это, что называется «мазки», до создания целостной картины еще далеко. Для более углубленного построения модели случайного преступника необходимо провести самостоятельное исследование, и я не уверен в положительном результате такого исследования. Однако я уверен, что современные объемы информации и главное возможности ее обработки дают нам широкие возможности для начала таких масштабных экспериментов.

Естественно новые условия экспериментов рожают новые вопросы и проблемы. Некоторые из них заключаются в следующем: а) кто и как будет определять границы экспериментов (одному исследователю это не под силу); б) как проверить результаты экспериментов, построенных на основе цифровых технологий (нельзя их проверить или опровергнуть с помощью той же самой технологии); в) как избежать манипуляций при проведении экспериментов, большая часть которых станет проводиться под контролем компьютера, а не человека; г) следует ли возродить социальные эксперименты; д) кто будет принимать решение о том, как использовать результаты экспериментов.

Исходя из изложенного, прихожу к следующим выводам.

1. Социальные эксперименты над людьми не допустимы.
2. Криминологические эксперименты возможны и даже необходимы.
3. Результативность экспериментов может быть просчитана.
4. Большие цифровые данные и случайные общественные (социальные) связи необходимо научиться соединять.
5. Оценивать и делать выводы по результатам экспериментов должны эксперты (ученые в конкретной области знаний, в первую очередь).

Таким образом, будущее за экспериментами. Криминологам следует не опоздать, во-первых, с осознанием этого будущего и, во-вторых, с разработкой методики проведения таких экспериментов. Пока что я не вижу серьезных разработок в этом направлении. Может быть все ждут, когда за криминологов это сделает так называемый искусственный интеллект? Может быть все ждут, когда наступит будущее? Но будущее уже наступило. Искусственный интеллект будет работать так, как его обучит человек. Если человек заложит в него свои ошибки, то боюсь эти искусственный интеллект не только продолжит, но существенным образом увеличит. В известной повести Аркадия и Бориса Натановичей Стругацких «Понедельник начинается в субботу» заложена очевидная идея – никто за нас ничего не сделает. Искусственный интеллект не будет работать за человека, искусственный интеллект это инструмент, а инструмент не может заменить того, в чьих руках он находится. Только труд, в данном случае ученого, позволит нам с уверенностью смотреть в будущее, в том числе криминологических экспериментов.